

**ПРОБЛЕМА СОДЕРЖАНИЯ КВАЗИТЕРМИНА
(на материале романов О. Хаксли «Дивный новый мир»
и Р. Брэдбери «451 градус по Фаренгейту»)**

В настоящей статье поднимается вопрос о содержательной стороне квазитерминов, которые мало изучены в лингвистике, что позволяет считать исследование актуальным. Целью статьи является изучение плана содержания квазитермина и его отражения в тексте. Под квазитерминами мы понимаем слова (или словосочетания) терминологического характера, обозначающие фантастические реалии, не существующие в окружающей нас действительности. Значения создаются на основе общности понятия, лежащего в основе этих слов или словосочетаний, и актуализируются в художественном тексте. В принципе можно считать, что семантический потенциал квазитермина и термина в современном понимании, где «термин — это группа вариантов, объединенных в один класс по принципу идентичности выражаемого понятия» [1, с.192–194], идентичен, разница лишь в том, что квазитермин функционирует в ирреальном, вымышленном мире. В этом отношении квазитермин соотносится с понятием авторского окказионализма:

употребление квазитермина, как и авторского окказионализма, разово, уникально, он не рассчитан на регулярное употребление в языке. Отличием квазитермина от окказионализма является то, что семантический потенциал его связан прежде всего с представлениями о новом мире, благодаря чему они существуют в системе и содержательно и функционально зависят друг от друга. Это значит, что уже введенный в произведение квазитермин может служить средством для того, чтобы объяснить читателю, какое содержание вкладывается в другой квазитермин.

Представляется возможным также определить квазитермин с позиций теории фреймового анализа как термин, фрейм которого обладает терминалами точности, однозначности, строгой понятийной определенности, но не имеет референта в реальном мире. Классики когнитивного направления считают, что опыт — знания человека о стереотипных ситуациях — хранится в сознании в виде фреймов — информационных структур данных, необходимых для

представления стереотипных ситуаций. Выделяются «верхние и нижние уровни» фрейма. «Верхние уровни» фрейма характеризуются тем, что четко определены, будучи образованными понятиями, всегда справедливыми по отношению к предполагаемой ситуации. «Нижние уровни» имеют много терминалов, требующих заполнения характерными примерами или данными [7, с. 7]. Исследование проводится в рамках сверхфразового единства, которое, вслед за И.Р. Гальпериным, О.И. Москальской, М.И. Откупщиковой и др., определяется как мельчайшая структурная единица текста, обладающая тематической (смысловой), структурной и прагматической целостностью [3, с. 67–69; 8, с. 16–17; 9, с. 31–34].

В настоящей статье рассматривается «план содержания» квазитермина (термин Л. Ельмслева), что непосредственно связано с представлением о двусторонней сущности языкового знака Ф. де Соссюра [4, 11]. Существует целый ряд понятий (и соответствующих им терминов), связанных с понятием «план содержания». Одно из них — «мотивировка» (слова) — было введено Ю.С. Масловым. Под мотивировкой понимается «указание на мотив, обусловивший выражение данного значения именно данным сочетанием звуков» [6, с. 111]. Мотивировку иногда называют «внутренней формой слова» — термин, восходящий к учению А.А. Потебни, где под ним понимается нечто иное. Потебня отмечает наличие у слова двух значений — объективного и субъективного. Первое значение и есть то, что ученый назвал внутренней формой слова. Она остается в слове и тогда, когда слово оторвано от текста. Второе значение реализуется только в тексте. Внутренняя форма, по Потебне, то, что всеми, кто воспринимает слово, понимается одинаково [10].

Из вышеизложенного следует, что слова либо имеют указание на мотив, либо не имеют его, т. е. подразделяются на мотивированные и немотивированные. Квазитермин, являясь своего рода «искусственной» единицей, созданной на основе слов или словосочетаний, реально существующих в языке и обладающих определенным лексическим значением, отличным от значения, непосредственно реализованного в тексте, либо новообразованием, созданным по моделям образования новых терминов, всегда

мотивирован. Ю.С. Маслов выделяет три вида мотивировки: реальную (в основе лежит реальный мотивирующий признак), фантастическую и формальную (понятно, от какого слова образовано данное слово, но непонятно, почему) [6, с. 112]. Будучи классом единиц, характерных для фантастических текстов, квазитермины отличаются фантастической мотивировкой, т. е. отражают «мифические представления, поэтические вымыслы и легенды» [Там же]. Все вышесказанное свидетельствует о том, что, даже если слово в языке было немотивированным, становясь квазитермином, оно автоматически получает мотивировку, которая, как правило, проявляется в его необычной сочетаемости и метафоричности.

Например, в романе А. Huxley «Brave New World» квазитермин «parents», выступая в необычном окружении (*uneasy silence, blushed, distinction between smut and pure science, hesitated, the blood rushed to his cheeks, viviparous, overwhelmed with confusion, boys' eye-avoiding silence* — в переводе О.Сороки, В. Бабкова [12]: *неловкое молчание, покраснели, различие между непристойностями и строго научной терминологией, сконфуженная тишина*, реализует новый смысл, мотивированный его непосредственным языковым смыслом (родители — ближайшие кровные родственники, участвовавшие в процессе зачатия) [14, с. 15]. Причем актуален лишь один из компонентов смысла. Например, такой компонент, как «воспитавшие, вырастившие», находится за пределами фокуса, т. е. является вспомогательным, не имеющим в тексте отражения в виде слов, связанных с квазитермином по смыслу, акцентирующих на этом компоненте смысла внимание (ср. *viviparous* о человеке в связи с понятием «parents» — традиционно употребляется в отношении животных).

Проблема соотношения двух сторон языкового знака может быть рассмотрена также с точки зрения теории Н.И. Жинкина. Текст рассматривается как результат речепроизводства. Под речью он понимает «действие, которое совершает один партнер по отношению к другому для передачи мысли и смыслового воздействия» [5, с. 18]. Понимание и интерпретация смысла происходят за счет образности мышления — способности интеллекта к формированию целостных представлений об объектах действительности

на основании установленных предметных связей. Любой образ отличают два свойства. Утрата какого-либо компонента нарушает восприятие образа (нарушается цельность). «Если структура сцеплений образа автоматизирована до порога узнаваемости, то весь образ узнается мгновенно, а появление какой-либо его части вызывает восстановление всего образа» [5, с. 49–50]. Образ формируется за счет существующего в сознании **универсального предметного кода** (общих для всех людей мыслительных образов объектов реальной действительности) — динамической системы, обновляющейся в процессе познавательной деятельности. На основании этого кода формируются денотаты — модели отрезков действительности [Там же. С. 80]. Текст состоит из ряда слов, каждое из них обладает лексическим значением, определяющимся как отношение некоторого предмета (под предметом подразумевается все, о чем можно сказать) к другому предмету [Там же]. Насколько лексические значения понимаются адресатом, можно проверить лишь при их употреблении в «ансамбле», а такое употребление приводит к взаимовлиянию денотатов и вызывает ансамбль смысловых сдвигов, приближающих значения к замыслу говорящего [Там же].

На основании изложенного выше выведем следующие характеристики квазитерминов. Любой квазитермин представляет собой образ отрезка действительности. Этот образ характеризуется целостностью, формируется при помощи универсального предметного кода на основании предметных (денотатных) связей. В тексте он представлен ключевыми словами, т. е. в виде ряда слов, взаимодействующих за счет заданных языком синтагматических и парадигматических отношений, при помощи отдельных единиц, являющихся своего рода сеткой смысловых связей. С одной стороны, это связи между самими словами, а с другой — каждое из них связано с соответствующим квазитермином (несет в себе определенный компонент стоящего за ним смысла). Это значит, что полное представление о значении квазитермина можно получить только в тексте посредством установления его смысловых связей с другими словами. Каждый подобный образ уникален, т. е. не имеет аналогов в языке и реализуется только в рамках конкретного фантастического

произведения. Более того, образ может меняться в зависимости от восприятия и фоновых знаний читателя, однако при этом всегда частично он совпадает (его часть, формируемая на основании универсального предметного кода).

Обратимся к примеру. «*The Mechanical Hound slept but did not sleep, lived but did not live in its gently humming, gently vibrating, softly illuminated kennel back in a dark corner of the firehouse. The dim light of one in the morning, the moonlight from the open sky framed through the great window, touched here and there on the brass and the copper and the steel of the faintly trembling beast. Light flickered on bits of ruby glass and on sensitive capillary hairs in the nylon-brushed nostrils of the creature that quivered gently, gently, gently, its eight legs spidered under it on rubber-padded paws*» [13, с. 31–32]. В переводе Т. Шинкарь [2] текст выглядит следующим образом: «*Механический пес спал и в то же время бодрствовал, жил и в то же время был мертв в своей мягко гудящей, мягко вибрирующей, слабо освещенной конуре в конце темного коридора пожарной станции. Бледный свет ночного неба проникал через большое квадратное окно, и блики играли то тут, то там на медных, бронзовых и стальных частях механического зверя. Свет отражался в кусочках рубинового стекла, слабо переливался и мерцал на тончайших, как капилляры, чувствительных нейлоновых волосках в ноздрях этого странного чудовища, чуть заметно вздрагивающего на своих восьми паучьих, подбитых резиной лапах*».

В данном отрывке представлен квазитермин «the Mechanical Hound», состоящий из двух компонентов (сочетание слов). Образ создается за счет употребления слов, относящихся к той и другой составной части квазитермина, в одних и тех же ансамблях. Одним из способов актуализации образа в этом случае является грамматическая конструкция, подчеркивающая, что, с одной стороны, пес живой (может двигаться), а с другой — неживой (механический), следовательно, не способный к совершению каких-либо действий, свойственных живым существам: *slept but did not sleep, lived but did not live*. Показательно также, что в конструкции отрицательная частица *not* представлена полной формой для создания большего эффекта. И еще показательно последователь-

ность употребления глаголов — сначала идет глагол со значением конкретного действия (*sleep*), а затем более абстрактный глагол (*live*). Конкретизация действия (спать могут только живые существа — это их потребность) позволяет обобщить и ввести глагол со значением «жить».

В примере используются и лексические средства. Представлены следующие ключевые слова, формирующие образ пса: *kennel, (faintly trembling) beast, hairs, nostrils, creature, legs, paws*, причем ряд из них, можно заметить, скорее указывает не на то, что это пес, а на то, что это живое существо, т. е. снова фокусирует внимание читателя на противопоставлении «живое-неживое», которое играет очень важную роль в создании образа, поскольку все механическое в сознании с живым не ассоциируется: механическое мы воспринимаем как неживое. Отсюда употребление соответствующих слов: материалы (*brass, copper, steel, (ruby) glass, nylon-brushed, rubber-padded*); работа машины (*humming, vibrating*). Получаем несколько ансамблей с одинаковым акцентом на противопоставлении «живое-неживое» (подчеркнуты в тексте). В первом из примеров представлено описание, в целом дающее позитивную оценку. Об этом свидетельствует описание окружающей обстановки: очередной ряд ключевых слов — *gently (humming, vibrating), softly (illuminated kennel), the moonlight* (само по себе слово придает образу романтичность), *great (window), flickered* (о свете) и т. д. Сначала автор создает положительный образ. Только несколько слов-маркеров подготавливают нас к резко отрицательной оценке в следующем сверхфразовом единстве: *in a dark corner, beast, (legs) spidered*.

Далее в тексте мы встречаем сокращенный вариант употребления данного квазитермина *the Hound* (разные варианты употребления одного и того же квазитермина свидетельствуют о неустойчивости квазитермина по сравнению с термином), но при этом воссоздается весь образ: мы помним о том, что пес механический, следовательно, неживой: «...*he lit a cigarette and came back to bend down and look at the Hound. It was like a great bee come home from some field where the honey is full of poison wildness, of insanity and nightmare, its body cramped with that over-rich nectar and now it was sleeping the evil out of itself.*

“Hello,” whispered Montag, fascinated as always with the dead beast, the living beast» [13, с. 32]. В переводе Т. Шинкарь [2]: «...Он закурил и, вернувшись в коридор, нагнулся и заглянул в конуру. Механический пес напоминал гигантскую пчелу, возвратившуюся в улей с поля, где нектар цветов напоен ядом, рождающим безумие и кошмары. Тело пса напиталось этим густым сладким дурманом, и теперь он спал, сном пытаясь побороть злую силу яда. — Здравствуй, — прошептал Монтэг, как всегда зачарованно глядя на мертвого и в то же время живого зверя». Если в предыдущем отрывке для понимания противопоставления «живое-неживое» нам нужно было анализировать ансамбли слов, то в данном отрывке оно эксплицируется (*the dead beast — the living beast*). Здесь также представлены разного рода средства (грамматические и лексические), за счет которых создается относительно полный образ, стоящий за квазитермином *the Hound*. Встречаем еще одну параллельную конструкцию: *honey is full of poison wildness, of insanity and nightmare*. Однако у нее несколько иная роль: слова, задействованные в этой конструкции, хотя и не имеют в чистом виде общности значений и связаны только тем, что несут резко выраженную негативную оценку, в данном контексте становятся синонимами. Их синонимичность усиливает негативную оценку (позволяет ее сплюсовать).

Следует отметить, что негативная оценка присуща всему сверхфразовому единству в целом. В последнем примере отрицательно маркированные слова доминируют — образ дополняется представлениями «опасный» и «страшный», на которые переносится фокус, — ключевые маркеры *poison wildness, insanity, evil и nightmare* (отрицательная окраска превалирует в них над значением). Также общая негативная оценка создается за счет слов с отрицательной языковой коннотацией (*cramped, dead, beast* — в них негатив есть в разной степени, но не преобладает над значением). Кроме того, находим пример появления отрицательной оценки в контексте: *great bee* (гигантская пчела). Пчела — насекомое небольшого размера, однако в сочетании с *great* вызывает негативную оценку, так как даже пчела, будучи больше нас по размеру, способна причинить нам вред, а ее жало становится смертельным оружием.

Рассмотренные примеры позволяют также говорить о том, что в рамках единства в фокусе находится только какой-то один компонент смысла квазитермина, остальные же восстанавливаются в результате употребления одного или нескольких слов, в значение которых входит тот или иной компонент смысла, из актуализированных в предшествующих сверхфразовых единствах. Сравнение *the Hound is like a bee* вызывает в памяти весь образ, сформированный в предыдущем примере.

Итак, на основании вышесказанного можно сделать вывод, что квазитермины – это слова или словосочетания, с одной стороны, имеющие черты терминов, а с другой – близкие по своей сути к авторским окказионализмам, но с отличительными характеристиками. С терминами их сближают точность, однозначность, строгая понятийная определенность, но при этом за ними, как и за окказионализмами, стоит образ, сформированный за счет окказиональных смыслов, возникающих в

сознании читателя. Несмотря на то что смыслы окказиональны, передаваемое ими содержание зависит от универсального предметного кода. Кроме того, квазитермины отличаются мотивированностью, которая обнаруживается в тексте в виде непривычной сочетаемости, что неизбежно делает их метафоричными. Они не могут существовать независимо от своего окружения. Во-первых, план содержания любого квазитермина непосредственно связан с планами содержания других квазитерминов, передаваемые ими значения и смыслы существуют в единой системе и тесно переплетаются. Во-вторых, план содержания квазитермина связан с его ближайшим окружением и раскрывается за счет него. При этом содержание передается не только семантически, но и грамматически. Большую роль играет оценочный компонент. В рамках данной статьи его роль не рассматривается. В целом квазитермины – это единицы особого рода, требующие детального изучения и представляющие научный интерес.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Авербух, К.Я.** Манифест современной терминологии [Текст] / К.Я. Авербух // Мат. междунар. науч.-практ. конф. «Коммуникация: теория и практика в различных социальных контекстах. Коммуникация-2002». Ч. 1. – Пятигорск, 2002.
2. **Брэдбери, Р.** 451° по Фаренгейту [Текст]: роман / Р. Брэдбери; пер. с англ. Т. Шинкарь. – СПб.: Азбука, 2000. – 219 с.
3. **Гальперин, И.Р.** Текст как объект лингвистического исследования [Текст] / И.Р. Гальперин. – М., 2008. – 144 с.
4. **Ельмслев, Л.** Прологомены к теории языка [Текст] / Л. Ельмслев // Новое в лингвистике. – Вып. 1. – М.: Изд-во иностр. лит., 1960. – С. 264–389.
5. **Жинкин, Н.И.** Речь как проводник информации [Текст] / Н.И. Жинкин. – М., 1982. – 160 с.
6. **Маслов, Ю.С.** Введение в языкознание [Текст] / Ю.С. Маслов. – М., 1998. – 272 с.
7. **Минский, М.** Фреймы для представления знаний [Текст] / М. Минский. – М., 1979. – 152 с.
8. **Москальская, О.И.** Грамматика текста [Текст] / О.И. Москальская. – М., 1981. – 183 с.
9. **Откупщикова, М.И.** Синтаксис связного текста [Текст] / М.И. Откупщикова. – Л., 1982. – 104 с.
10. **Потебня, И.А.** Мысль и язык [Текст] / И.А. Потебня. – М.: Лабиринт, 1999. – 300 с.
11. **Соссюр, Ф.** Курс общей лингвистики [Текст] / Ф. Соссюр. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. – 432 с.
12. **Хаксли, О.** О дивный новый мир [Текст]: роман / О. Хаксли; пер. с англ. О. Сороки, В. Бабкова. – СПб.: Амфора, 1999. – 541 с.
13. **Bradbery, R.** Fahrenheit 451° [Text] / R. Bradbery. – SPb: Anthology, 2009. – 192 p.
14. **Huxley, A.** Brave New World [Text] / A. Huxley. – N. Y.: Perennial Classic, 1969. – 178 p.